

КНДР / Северная Корея

В Северной Корее – как у нас: если нельзя, но очень хочется – то можно.

За несколькими делегациями, следующими в КНДР на традиционное шоу Ариран, приуроченное к круглой партийной дате, корейцы прислали ИЛ-62м.

Стюардессы модельной внешности никого не просили пристегиваться и разносили напитки – в том числе и алкогольные - непосредственно во время взлета. Их примеру последовали отдельные пассажиры. Мой сосед принялся звонить своей девушке аккуратно во время отрыва от полосы. Машина времени заработала. Самолет набирал высоту с плавностью лимузина, везущего большую шишку. Будто пилотам кто-то поставил стакан с водой на торпеду.

Большинство устремившихся назад в социализм предпочло минеральной воде, которую рекомендовал пить любимый руководитель товарищ Ким Чен Ир, пиво или виски, или и то и другое и через пару часов дисциплина на борту нарушилась громким пением и мордобоем. Хрупкие корейки, одетые как куколочки, привели на подмогу маленького, но твердого командира, который без разговоров вынул бутылку виски, готовую стать холодным оружием, из рук молодого бойца. Получившего в бубен певца умыли. Победителя пересадили в бизнес-класс. За окном блеснул Орион...

На рейсах «Аэрофлота» такого не увидишь.

В аэропорте Пхеньяна туристу следует сдать свой мобильный телефон на хранение. «Чтобы вы его не потеряли» - объясняет офицер. Роуминга нет ни с одной из мировых сотовых компаний. Как в Непале. Технически же сеть есть, также как и Интернет. Просто пользуются ими только те, кому «положено».

Гостям КНДР на все время визита выделяется персональный автотранспорт: машина или автобус – в зависимости от размеров группы, гиды и переводчики.

Обеспечен персональной машиной с гидом и водителем на все время пребывания в стране будет даже одиночный турист. В СССР тоже интуристам «делали красиво», но все-таки не настолько. Здесь любого принимают на уровне VIP-персоны.

Раннее утро. Между башнями за окном – клочья тумана. Рисовое пиво непривычно вкусное. Непастеризованное, как былые «Жигули». Еще немного поспать. Гостиничный номер – как везде. 4*. По телику – НТВ и ВВС. Но не телек же смотреть я сюда приехал? Надо вставать, чтобы не ставить гида в неловкую ситуацию, когда ей придется меня куда-то не пускать...

В лифте звучит нежная корейская мелодия. В гулком вестибюле тишина. 6 утра. Не спеша выхожу и по стеночке смещаюсь в сторону переулочка. Хвоста нет.

Корейцы – очень гостеприимные люди. Поэтому они всегда провожают своих гостей повсюду. Если вы захотите пройтись – вам составят компанию, покажут, где интереснее. Захотите что-то купить - вас отвезут на машине в самый лучший магазин. Если желаете запечатлеть жизнь города – вам помогут сделать хорошие кадры, подскажут точку. А плохие, «некрасивые» помогут удалить. Конечно, вообще нельзя фотографировать аэропорты, мосты и военных. Однако, если очень хочется снять – то можно. За руку никто не держит, на амбразуру грудь не бросается.

Улицы в это время почти пусты, и никто, вопреки бытующему мифу, не бросается меня арестовывать. Отдельные товарищи кидают в мою сторону любопытствующие взгляды – и только. На привокзальной площади – оживление.

Подъезжают пожилые, но опрятные автобусы, набитые под завязку, из них перетекает в здание вокзала, украшенное лозунгами и плакатами серо-зеленая масса. Люди сосредоточены. Многие читают на ходу. До меня им дела нет. Иду по проспекту, наслаждаясь полным отсутствием рекламных щитов.

На перекрестке стоит девушка в небесно-голубом кителе и руководит вялым движением. Здесь на всех перекрестках в центре стоят регулировщицы. В дождь они одеты в прозрачный целлофановый дождевик, видимо, чтобы видна была щегольская униформа.

У входов в магазины появились уборщики, самозабвенно драящие мостовую и витрины. Молодой кореец деликатно протирает бордюрный камень (или как теперь говорят, следуя питерской моде – поребрик) тряпочкой с мылом. Машин нет. Ни единой. Но публика, следующая на работу поперек проспекта, дисциплинированно пользуется подземным переходом. Навстречу идут школьницы в белоснежных блузках и гольфиках, темно-синих юбках со значками на груди, аккуратно причесанные. Любо-дорого смотреть! Одна из них читает на ходу. Позже я убедился, что повсеместное чтение – массовое явление.

Пенсионеры с палочкой читают во время утреннего моциона, дети читают, качаясь на качелях, молодые люди – сидя на корточках «по-азербайджански» в ожидании трамвая. Самая читающая страна в мире.

Я иду к реке. Самой главной корейской реке Тэдон, протекающей через центр города. Маленькие девочки немного пугаются, что дядя-иностранец их сфотографировал. Но дядя не американец, так что все в порядке. Миную кварталы скучных 9-этажек, и выхожу, наконец, на набережную. Конечно, не Круазетт. Но цивилично.

Справа впереди на острове посреди реки парит белоснежный пятизвездочный отель, служащий изолятором временного содержания для западных туристов. А здесь, напротив, загорает, расположившись на маленьком коврик, средних лет корейка, в засученных до колен коричневых штанишках. Крутой берег заканчивается песчаным откосом, на котором сгрудились до дюжины рыбаков. Некоторые по колено в воде в болотных сапогах. Никогда не понимал, зачем это делать. Тем более, что удочки длинные. Но специалистам виднее, что подтверждается наличием в ведрах приличного улова. Не думаю, чтобы для кошек. Да здесь рыбное место!

Иду по набережной. Навстречу – пожилой кореец в защитном френче. Он обращается ко мне и долго и жарко говорит по-корейски, заглядывает мне в глаза. Что делать – лезу в карман. Он жестом обрывает мое движение, выражая в лице презрение. Видя мое смущение, продолжает свой возбужденный монолог. Пытаюсь объяснить с ним по-русски – это явно радует его, но он не понимает ни слова. Поговорив так еще немного, мы расходимся. Он оборачивается и машет рукой вслед. На другом берегу торчит 170-метровый монумент-факел идеям Чучхе, входящий в стандартную программу посещения Пхеньяна.

Визиты всех делегаций похожи как близнецы-братья. Их сценарий написан десятилетия назад. Домик великого вождя товарища Ким Ир Сена. Монумент великому вождю. Мавзолей великого вождя. Монумент идеям Чучхе. Музей революции (обломки американских самолетов). Киностудия. Академия вышивки. Мемориальное кладбище революционеров. Американский шпионский корабль «Пуэбло».

Раз в пару лет к этому списку добавляется Ариран – массовое шоу, занесенное в Книгу рекордов Гиннеса как самое масштабное художественно-спортивное представление в мире. Проходит выступление на огромном – уступающем лишь бразильской «Маракане» – современном 150-тысячном стадионе «1 мая», внешне

похожем на цветок магнолии. Более 100 тысяч артистов с удивительной синхронностью исполняют сложные гимнастические, акробатические и танцевальные номера с элементами драматургии. На живом экране на противоположной от зрителей трибуне с помощью цветных табличек, служащих пикселями в рукотворном мультсериале, представляются красоты природы, лозунги, портреты вождей. Вспоминаются Олимпиада-80 и Фестиваль молодежи и студентов-85. Только в квадрате.

Нет и речи о том, чтобы проигнорировать тот или иной пункт официальной программы в пользу «свободного времени». Конечно, неохота лезть на этот монумент Чучхе, но наверху - смотровая площадка, с которой, по сведениям западной пропаганды, должно открыться все тщательно маскируемое режимом убожество местной жизни. Водрузив на камеру телевик, морально готовлюсь к восхождению. Но там оказывается лифт. А вот говорят: Флоренция! Интересно, сколько народу получило инфаркт на кампанилле Джотто? Гид пошла пописать и я не стал дожидаться ее возвращения. Ехали в лифте вдвоем с миловидной лифтершей.

Ну вот он – Пхеньян с высоты птичьего полета. Красотища. Действительно, город парков. Но – внимание - начинаем искать трущобы! На первый взгляд их не видать. Замаскировали! Вот стадион «1 мая», мосты. Никто не мешает снимать. Никто не требует немедленно поставить фишай или хотя бы что-то такое покороче, в пределах 135 мм, как того требует официальная директива, доводимая до сведения всех въезжающих в КНДР. Наконец-то отыскиваю среди стандартных башен и хрущоб небольшое вкрапление одноэтажных домишек. Все-таки есть. Но поразмыслив, вспоминаю, что стоя в Пекине на балконе ресторана расположенного на крыше Grand Hotel Beijing, находящегося в самом центре олимпийской столицы, видал такого рода построек, именуемых хутунами, существенно больше. А сколько китайцы порушили к олимпиаде! Целыми кварталами. И как их за это варварское уничтожение истории и национального колорита поносила либеральная молва! Не говоря уже про Сеул, где 20 лет назад действовали сходными методами, но так до конца трущоб и не извели. Вобщем, наговаривают на Пхеньян, как выяснилось.

Пхеньян производит впечатление – без всякой иронии - красивого современного города. Историческая застройка практически не сохранилась после американских бомбардировок. Доминируют дворцы и театры в национальном стиле, высотные жилые здания, монументы, стадионы. Надо всем господствует недостроенный 105-этажный отель пирамидальной формы и телебашня. Самый лучший вид на город – с плато, на котором расположено кладбище революционеров.

Состояние фасадов, правда, оставляет зачастую желать лучшего, но если пройтись по улицам столицы богатейшей республики Саха - Якутска – и мысленно сравнить, то язык уже не повернется сказать что-то обидное корейцам.

Вечером на улицах даже в центре темновато. Подсвечиваются только монументы, правительственные здания, дворцы и мосты. На окраинах – глаз коли. С непривычки тоскливо. Очень похоже на современный Тбилиси, только в Пхеньяне лифты бесплатные.

В дни праздников у корейцев есть «иллюминация» в том смысле, как была она в СССР в 80-е годы: узоры и гирлянды из лампочек.

Личных автомашин в Пхеньяне нет. Ездят на велосипедах или общественным транспортом. Собственные авто могут иметь только выдающиеся деятели искусства, науки или спорта. Руководители предприятий и организаций

используют служебные машины. В основном это Мерседесы в возрасте от 10 лет и старше. Но даже 123 кузов выглядит очень ухоженным. Военные ездят на всем – от УАЗ 469 до «Гелендвагенов», но все же наиболее распространены японки и китайская европа.

Много грузовиков, в том числе раритетных. И не только ГАЗ-51, который у нас уже очень мало, где увидишь, но и китайское старье. Весь этот передвижной автомобильный музей берегут, холят и лелеют. Машин не хватает. В провинции можно встретить и совсем убогие рыдваны, но здесь, конечно еще очень далеко до степени убожества индийского автопарка.

На трассе нет ничего. Ни заправок, ни даже шиномонтажа. Видимо, замаскированы. Но протектор на резине есть, в отличие, скажем, от Киргизии, где все по горам и долам ездят на сликах в любую погоду. Резина в основном японская.

Визитная карточка Северной Кореи - грандиозный архитектурный ансамбль на холме Мансу, центральным элементом которого является 22-метровая бронзовая фигура Ким Ир Сена, установленная еще при его жизни. Нужно возложить букетик за 5 евро. Но можно и не возлагать. Никто не заставляет.

Мавзолей Ким Ир Сена находится непосредственно внутри дворца, где работает правительство, и где раньше был его кабинет. Как если бы Ленин лежал в Сенате. Посетители проходят досмотр, сопоставимый по дотошности с досмотром в аэропортах США. Пройдя через все сканеры и даже обдув для удаления пыли с одежды, миновав километра два коридоров, попадаешь в мемориальный зал. Следует обойти саркофаг с телом вождя по часовой стрелке, отвесив поклоны с трех сторон (со стороны головы не кланяются). Проходят по 3-4 человека, задерживаться нельзя. Желających встретиться с вождем, который и теперь живее всех живых – предостаточно.

В знак уважения к вождю все граждане КНДР с пионерского возраста носят на груди (с левой стороны) небольшие значки с изображением Ким Ир Сена. Значки бывают разного дизайна. Но это не обязательно связано со статусом владельца, что приходит в голову в первую очередь. Потеря значка чревата серьезными неприятностями.

Купить его не представляется возможным, в то время, как в СССР, как мы помним, значок ВЛКСМ можно было купить в любом ларьке «Союзпечати» в нужном количестве.

Самый главный ужастик про КНДР – это голод. Поедание крыс и травы, облысевшие от голода люди, дети со вздутыми животами... Иностранцу сложно сходить на корейский рынок или в магазин. Вонов у него нет, да и корейцы – самые гостеприимные хозяева, они всегда отвезут гостя на машине в магазин - в корейскую «Березку», где на валюту продается и алкоголь, и женьшеневый «корень жизни», и традиционные платья, и все, что душе угодно.

Но хотелось в «народный» магазин. Опять была применена тактика раннего подъема. Русские туристы ведь тоже деликатные – не будут же они будить гида, когда солнце еще не взошло, а вчера была такая напряженная программа.

В вестибюле встречаю соотечественников, явно замысливших то же, что и я: респектабельного господина, оказавшегося психологом, с подружкой. Совершаем групповой побег. На стоянке перед отелем уже тусуются водилы наших мерингов. Курят. Похоже, преграждать нам дорогу, равно как и бежать за подкреплением они не собираются. Идем, любуемся утренним Пхеньяном. В парке по деревьям скачут белки. Магазины еще закрыты. Все прекрасно и не хочется возвращаться

на завтрак. Решаем зайти на вокзал и купить там что-нибудь из еды. Начитавшейся запрещенными к ввозу в КНДР западными путеводителями нашей спутнице это кажется совершенно абсурдной идеей. Перед входом в вокзал – военный патруль с красными повязками. Стоим в нерешительности. Но прогулка разбудила аппетит, и оставив даму любоваться метущими площадку дворниками, мы идем навстречу патрулю... и беспрепятственно пройдя мимо него заходим в вокзал.

Там в зале стиля «сталинский ампир» восьмиугольной в плане формы с бронзовыми люстрами и канделябрами, и мозаичными панно на стенах – 4 киоска фастфуда. Стараясь улыбаться и выглядеть непринужденно, подходим к окошку. Ничего не надо объяснять – продавщица уже сама докладывает нам по-корейски, чем у них тут кормят. Покивав, выбираем по принципу «пальцем в небо», примерно так, как выбирают малознакомые с ассортиментом туристы траву в амстердамском кофешопе: с умным видом ткнув наобум в обширный прайс-лист. Теперь самое интересное. Вонов-то у нас нет. Товарищ мой вытаскивает из лопатника засаленную 5-евровую бумажку. Девушка говорит: минуточку, надо спросить у шефа. Высунувшийся из недр заведения кореец с улыбкой принимает купюру и... начинает отсчитывать сдачу. Сдача едва влезла в лопатник. Похоже, здесь курс лучше, чем в «Березке». (Как потом выяснилось, лучше ровно в 10 раз). Забираем покупки, благодарим продавщицу и целыми-невредимыми без конвоя и наручников выходим обратно на площадку.

Когда мы появляемся на ступенях вокзала, наша подруга не знает, как реагировать. А вдруг нас уже завербовали? Вдруг нас ведут? Можно ли теперь к нам подойти, не скомпрометировав себя? Она тянет время. Мы смеемся. Корейцы поблизости тоже. Происходит небольшое выяснение отношений полов. Только тут она замечает, что мы не с пустыми руками. Смотрит с восторгом на своего героя. Я смотрю на двух корейцев в шляпах, радостно обсуждающих нас.

Ну-с, посмотрим, что же нам дали. В пластиковом лотке-коробке оказались... суши! А в другом – какие-то котлетки в кляре, что ли. Все с салфеточками, палочками, соусами. Как ни странно, но все это оказывается съедобным и даже вкусным. Правда сушей мне почти не досталось – их быстренько подъела забывшая осторожность либералка. Зато я съел котлетки. Оказались мясные. Вот те и голод...

Справедливости ради надо сказать, что у жителей столицы и периферии разные паспорта. И жителям деревни трудно попасть в город. Известная система. Вспомните СССР.

В приграничном городе Кэсон у самой 38 параллели сразу ощущается бедность. Но не та живописная бедность боливийского высокогорья, и не вонючая, покрытая коростой бедность Индии. Это опрятная и интеллигентная бедность. На лицах нет той ненависти, с которой смотрят на туристов-иностранцев в бедных кварталах Санто-Доминго или Лимы. Кэсон не назовешь городом контрастов. Он беден целиком. Эти люди не знают другого мира с его возможностями и опасностями и счастливы жить здесь своей тяжелой трудовой жизнью.

В Кэсоне я видел очередь в магазин, большую очередь. Снимать не хотелось, чтобы не расстраивать гида, запечатлевая «некрасивое». Но все-таки я снял. Стало несколько не по себе. Потом я заметил, что народ настроен вполне оптимистично. Они были рады, что «выбросили» товар. Те, что затарились, шли и улыбались. Странное ощущение чего-то родного витало в воздухе. Трудности укрепили дух этих людей, почти полное отсутствие частной собственности сплотило. Я ощутил себя иностранцем, попавшим в послевоенную советскую глубинку.

Наивность корейцев не должна вводить вас в заблуждение. По уровню своего умственного развития они ничем не уступят европейцам, а в некоторых областях, таких как музыка, например, массовая грамотность населения феноменальна.

Менталитет корейцев – кроме шуток – куда ближе нам, интуитивно понятнее, нежели менталитет европейцев. Корейцы, несомненно, по-своему счастливы, ведь искренне думают, что живут в самом лучшем государстве на земле. В этом они похожи на советских людей 30-х годов. Помните «Песню о Родине» Лебедева-Кумача, которую по-русски пел американский негр Поль Робсон?

Над страной весенний ветер веет,
С каждым днем все радостнее жить.
И никто на свете не умеет
Лучше нас смеяться и любить.

Это про КНДР. Еще там есть ключевые слова: «Человек проходит как хозяин», - смысл которых абсолютно созвучен идеям Чучхе, сводящимся к формуле «человек — хозяин всего, он решает все». Дальше из этого принципа вытекает стремление к самостоятельности, что в масштабах страны уже становится идеологической платформой изолированности и принцип «опираться на собственные силы» превращается в оправдание абсолютной закрытости страны от внешнего мира.

Парадокс в том, что идеи Чучхе логичны, и даже исповедуются любым развитым демократическим обществом.

